

отношениях с государством, с которым почти не имел общих границ и с которым ему, казалось бы, нечего было делить? Почему враждебность эта достигла таких размеров, что в борьбе с христианской державой христианскому королю пришлось прибегать к помощи мусульман?

Перед нами яркий пример того, как политика берет верх над религией (причем у такого ревностного блюстителя христианства, как Карл Великий). Существо же дела уходит в глубь веков, снова уводя нас к истокам.

Начиная с 476 года, когда захвативший Рим Одоакр формально упразднил Западную Римскую империю и отослал знаки императорского достоинства в «новый Рим», Константинополь, восточные императоры смотрели на себя как на *единственных* законных наследников Цезаря и Августа. Юстиниан попытался даже реставрировать Римскую империю во всем прежнем объеме; и хотя это ему не удалось, его преемники не собирались отказываться от подобных притязаний. Понятно, что в их глазах «вар-вар»-франк, развивший вдруг весьма бурную деятельность на Западе, был личностью весьма подозрительной. Вся его политика в Италии, от завоевания Лангобардского королевства и до установления протектората над беневентским герцогством, рассматривалась как цепь «узурпации», противозаконных актов, имевших целью ущемить права законных властителей. И, конечно же, самой главной из «узурпации», намного перекрывавшей все остальное, стало событие 25 декабря 800 года, нанесшее смертельный удар византийской идее «единства» империи.

Собственно, здесь-то и лежит решение вопроса о «тайне» Карла Великого. Из рассмотренных фактов с ясностью вытекает, что широко разрекламированное Карлом «недовольство» коронацией было всего лишь дипломатической игрой, составляющей оборотную сторону заключенного им тайного политического союза с Багдадским халифом. С одной стороны, готовя грозную военную силу, которую в случае надобности можно было направить против Византийской империи, с другой. Карл всячески стремился показать, что он не желал превращаться в соперника восточного императора, и уж коль скоро так вышло, то вина за это лежит не на нем, а на папе Льве III.